

Острота социального зрения

Добрая это мысль — предварить собрание сочинений Виля Липатова давней уже статьей А. Макарова. Александр Николаевич Макаров был одним из тех критиков старшего поколения, кто особенно внимательно следил за работой молодого Липатова, поддерживал его пытливость, обостренность его социальных интересов. Статья проникнута искренней радостью от встречи с талантом и одновременно требовательной заботой, раздумьями о трудностях роста. «...Он умел распознавать в каждом его индивидуальность и тем открывал ему дорогу в большую литературу. Я сам — один из них...» — так скажет позже Виль Липатов о своем старшем товарище-критике.

К 1966 году, которым датирована макаровская статья, имя Липатова пользовалось уже немалой читательской популярностью. Однако же главным созданиям прозаика еще предстояло явиться на свет. В следующем, 1967 году в «Знамени» стали одно за другим публиковаться повести и рассказы из цикла «Деревенский детектив» (в критике этот год журнала, случалось, даже называли «липатовским»), и образ участкового уполномоченного Анискина сразу же завоевал самые горячие симпатии читателей, а впоследствии и зрителей (известно несколько теле- и киноверсий липатовских произведений). Заметными явлениями прозы стали опубликованные соответственно в 1968 и 1969 годах повести «Лида Вараксина» и «Сказание о директоре Прончатове». В годах семидесятых искания Липатова полнее всего выразились в произведениях крупной формы, к которой впервые обратился писатель, — в романах «И это все о нем» (1974) и «Игорь Саввович» (1977).

Интереснейшие пласты современной нашей жизни подняты в книгах Липатова. Его проза — это средоточие острых, беспокойных проблем, это колоритные, своеобразные характеры, это атмосфера настойчивой борьбы за торжество добра и справедливости. А. Макаров писал о «бойцовском темпераменте» Липатова и об «органически присущем ему чувстве трудового товарищества». Эти свойства своей души, своего художнического мироощущения Виль Липатов пронес через всю творческую жизнь, прочно ощущая их глубинную взаимосвязанность. Чувство трудового товарищества, концентрирующее в себе, по существу, главнейшие духовные завоевания общества, — оно ведь нуждается в постоянном подтверждении и защите, оно закономерно требует от писателя активного отношения к действительности. В прозе Липатова не все равнозначно, наряду с блестящими удачами встречаются страницы не слишком убедительные и художественно выверенные. Однако же нет, совсем нет в ней страниц вялых, равнодушных. Все, что когда-либо выходило из-под липатовского пера, продиктовано жадной вмешательства, горячим желанием сказать о таких явлениях жизни, которые представляют сугубый общественный интерес.

Чрезвычайно характерным видится мне в этом смысле тот конфликт, то поле битвы, что обозначены в романе «И это все о нем». Липатов, как и во многих своих вещах, не чурается здесь контрастности, даже, наверное, прибегает к ней с наибольшей открытостью. Столетов и Гасилов — уже сами фамилии двух главных героев-антиподов избраны так, чтобы многое сказать читателю. За комсомольским вожаком Евгением Столетовым — высокая, вечная правда идеи. За Гасиловым — ущербность существования, лишенная духовности, целиком подчиненного корыстным целям. Эти два образа, думается, имеют центральный, кульминационный смысл для всего творчества Липатова. К Столетову писатель шел, еще когда рассказывал о своем Ванюшке Чепрасове, выдерживающем первое в жизни испытание характера («Зуб мудрости»), когда рисовал фигуры рабочих парней, взыскающих истины.

Давно уже шел он и к Гасилову, с презрением изображая разные формы мещанского самодовольства, мещанской мимикрии. Состоявшийся конфликт типичен для Липатова — и в раннем и в зрелом периоде его творческой работы. Только здесь, в романе 70-х годов, действительность предстает перед читателями куда более сложной и многомерной, а способы, художественного исследования — куда более глубокими.

Гасиловщина — такое определение возникает в романе. Действительно, перед нами целое явление, порожденное потребительским отношением к жизни, поразительным умением мещанина обеспечить себе наилучшие условия для материального и душевного комфорта. Внешняя благопристойность, добропорядочность мастера лесочастка Гасилова, его любовь к «высоким» словам (они слетают с его губ «легко, как подсолнечная шелуха») — все это тщательно продуманный камуфляж, под личиной компетентного специалиста, передовика скрывается хищник, ведущий активную антиобщественную деятельность. Постоянно занижая план, Гасилов обеспечивает людям высокие заработки при фактической неполной занятости. Организована такая «экономическая система» достаточно сложно, с налета ее не разоблачишь, а вот психологические расчеты Гасилова просты: кому может не понравиться необременительная жизнь? А обеспечивая ее другим, Гасилов урывает главный кусок — в соответствии с потребностями своей размашистой купеческой натуры. Гасилов не просто наносит ущерб производству — он опошляет само понятие общественного труда, растлевает души.

Против всего этого и восстает рабочая совесть. И раньше других истинный характер деятельности Гасилова становится ясен комсомольцам во главе со Столетовым. Борьбу с Гасиловым они ведут, что называется, с открытым забралом, «планируя» ее на комсомольском собрании, предъявляя мастеру все пункты обвинения. Их методы противостояния ловкому, сильному противнику подчас несколько наивны, чрезмерно запальчивы. Это недостаток, но он оборачивается и преимуществом: горячность, честная бескомпромиссность молодых помогает быстрее обнажить суть вещей. Высшая точка в развитии конфликта с Гасиловым — «забастовка наоборот», когда комсомольцы, трудясь с полной отдачей, по-ударному, разительно перекрывают нормы, делом, трудом разоблачая махинации мастера.

Вот оно, «чувство трудового товарищества»! Органически присущее автору, оно столь же органически проявляется в делах его положительных героев.

Как и многие произведения нашей прозы, роман Липатова говорит о труде как о высшем мере нравственности. Это реальность советского образа жизни. Такая же реальность, как и люди, подобные Евгению Столетову. Увлеченно воссоздает писатель своеобразный, неординарный характер молодого современника, внимательно анализирует условия, в которых этот характер складывался, обстоятельства, на него влиявшие. Мы многое узнаем о детских впечатлениях Жени Столетова, об атмосфере жизни его семьи потомственных трудовых интеллигентов. Около пятидесяти лет врачует жителей сибирского поселка Сосновка Женин дед Егор Семенович, старый большевик, пользующийся уважением в здешних краях. Духовное единение с дедом, матерью, отчимом, людьми чести и долга, сопровождает всю сознательную жизнь Жени. Большая дружба связывает его с замечательным учителем Радиным, инвалидом войны: юноша зовет Радина «комиссаром», в трудную минуту признается ему: «...вы для меня — партия!» И когда Столетов начинает борьбу против гасиловщины, в борьбе этой реализуется нравственное богатство, заключенное не только в его личности, но и в традициях семьи Столетовых, и в учителе Радине, и в памяти о Женином отце, принесшем с фронта осколок возле сердца и через несколько лет погибшем от него...

Липатов входил в литературу как писатель молодежный, его героями были по преимуществу его сверстники, парни и девчата, встреченные на журналистских путях-дорогах. Но стоит подчеркнуть: одним из первых липатовских произведений явилась повесть «Смерть

Егора Сузуна», в центре которой образ старого коммуниста, служащего молодым достойным примером.

С самого начала тема молодежи возникала у писателя как тема революционной преемственности, связи поколений. В романе, где действует Евгений Столетов, все это разработано полно, тщательно. Читая сцены, выявляющие нравственное кредо героя, невольно вспоминаешь персонажей А. Фадеева — молодогвардейцев. Совсем иные обстоятельства жизни. Но то же корневое, глубинное восприятие заповедей Советской власти: они живут в Столетове свободно, как дыхание.

Волнующе показано это в сцене решительного объяснения Столетова с Аркадием Заварзиным, одной из ключевых сцен романа. Заварзин, рабочий леспромхоза, в недавнем прошлом уголовник, принадлежит к тем, кто изо всех сил поддерживает Гасилова. При такой роскошной житухе, рассуждает Заварзин, и впрямь стоит «завязать»: зачем нарушать закон, ежели тебе дают возможность воровать на законных, так сказать, основаниях? Люто ненавидит Заварзин Столетова, а после «забастовки наоборот», ставшей прямой угрозой гасиловским порядкам, не прочь отомстить комсомольцу, даже физически расправиться с ним... Истерическую злобу выплескивает Заварзин на Женьку в том решительном разговоре. И еще — недоумение, искреннее недоумение.

« — Я одно хочу знать! — прижимая к груди обе руки, ссутулясь, говорил Заварзин. — Хочу знать, для чего ты все это делаешь, Столетов! Ведь в справке для института тебе не напишут, как ты работал... Отыскал три года, и все! Все! Так зачем ты вкалываешь? Зачем? Ты сейчас вкалываешь такую деньгу, что больше не бывает. Зачем же ты вкалываешь все больше и больше?!»

Психологически тонко передает Липатов эту вдруг охватившую Заварзина неудержимую, мучительную потребность понять, чем живет враг, понять недоступное ему, бесконечно высшее. И так же верно передано ответное состояние Столетова: в душе юноши неожиданно возникает почти сочувствие к человеку, только что угрожавшему ему ножом, — разве не достоин сочувствия тот, кто не способен «понять, что можно и нужно жить иначе», светло и чисто! Выходит, Аркадию Заварзину «и в голову не приходило, что существует на земле сила большая, чем деньги, слава, любовь к комфорту, к ломтю хлеба с черной икрой. Заварзин так мучился, что Женьке Столетову стало жалко его дрожавших от возбуждения рук, непонимающих, опустошенных глаз, увядшего рта; пораженный Женька тоже прижал руки к груди, взволнованный, страстно сказал Заварзину:

— Да пойми ж ты, Аркашка, я — пролетарий! Рабочий! Я же говорил тебе...»

Много ли значат эти слова для Заварзина? Могут ли они «перековать» его, перевернуть душу? Нет, разумеется. Не бывает, не может быть столь быстрых и простых превращений. И, однако, Заварзин потрясен. Не словами, слышанными много раз, а тем, как, с какой силой они произнесены, и тем еще, как обратился к нему Столетов. «Мальчишеское обращение «Аркашка» с Женькиных губ сорвалось совершенно случайно, от школьной привычки обращаться так к сверстникам, оттого, что Заварзин мучился, не находя ответа на такой простой, само собой разумеющийся вопрос. Мальчишечье окончание серьезного и несколько торжественного имени Аркадий прозвучало у Женьки тепло, по-братски, в нем вылилась вся его мальчишечья доброта к жизни, к людям... И все это было произнесено так искренне, что бывший уголовник вдруг замолчал, согнувшись и подавшись вперед, заглянул в Женькино лицо снизу вверх.

— Пролетарий, говоришь...

Женька весь, с ног до головы и с головы до ног, был правда! Его никогда не главшие глаза глядели на Заварзина по-доброму, но смело, лицо забавно морщилось, маленький

подбородок торчал вызывающе, как бы спрашивая: «Да как ты смеешь, Аркашка, не верить мне?» Весь, весь Женька Столетов был правдой, искренностью, открытостью, и Аркадий Заварзин, человек, так же остро чуткий к правде, как и ко лжи, выпрямился, замер в такой позе, точно не знал, что делать и что говорить.

— Дай папиросу, — неожиданно попросил он Женьку. — Дай! У меня кончились...

— Я не курю, — тихо сказал Женька. — Пробовал, но так и не научился... — И огорченным голосом мальчишки добавил: — Горько, и голова кружится...»

Мне показалось уместным столь подробно остановиться на этой сцене, потому что она удивительно ярко демонстрирует и содержательную сущность образа Столетова, и изобразительные возможности автора — мастера драматического конфликта, глубокого, чуткого психолога. Как безошибочно правдиво переданы здесь сложные перепады внутренних состояний! И сколь плодотворно доверие повествователя к подвижному, индивидуально-особенному в душевном мире главного героя.

Такое доверие проявляется на протяжении всего романа: мы ощущаем, как в Столетове твердость уживается с ранимостью, трезвость — с юношеской восторженностью, даже некоторой экзальтированностью. Липатов изобретателен в поисках средств, которые могли бы представить это собрание разнообразных качеств не конгломератом, но живым единством. Здесь и попытки зримо передать увлеченность, угловатую порывистость юноши. Здесь и рассказы о пережитых героем в детстве, при чтении книг, потрясениях, на которые способны лишь впечатлительные натуры. Здесь и, как правило, точно выверенная манера речи — типичная манера современного молодого человека, склонного к обыгрыванию привычных словесных форм, к иронии, идущей от душевной чистоты, от боязни затаскать, сделать стерто-обыденными высокие слова — те самые, что так легко и охотно употребляет мастер Гасилов. У Жени Столетова, мы знаем, такие слова истинно высоки...

Да, убежденность Столетова, его правда, его вера возникают в романе в их неотразимости именно потому, что обнажен и глубоко оригинален внутренний мир героя. Духовная красота освещает весь облик юноши, делает его притягательным, красивым.

Снова вспоминается Фадеев. Отвечая однажды на вопрос читателя, почему в его романе «все молодогвардейцы красивы», писатель объяснял: «Это кажется просто потому, что я отнесся к ним, как автор, с любовью». Наверняка Липатов мог бы сказать то же самое о своем Женьке Столетове.

Проза Виля Липатова богата людьми, несущими в себе заряд позитивного действия. Положительный герой — этот термин не слишком часто встречается нынче в критических статьях, сказывается, видимо, опасение поддаться прямолинейности, нормативности, которая в свое время давала себя знать в некой дозировке «положительного» и «отрицательного» в искусстве. Однако же умолчания, излишняя, так сказать, деликатность тоже весьма бесполезны. Плодотворное движение нашей литературы по пути углубления гуманистического, психологического содержания совершается отнюдь не вне положительного идеала, положительного характера, а как раз в опоре на них. Это хорошо видно и на липатовских книгах. С острым интересом воспринимая человеческую многозначность, неординарность, писатель особенно охотно подчеркивал ее, когда изображал характеры людей, близких авторскому сердцу. Так было и со Столетовым, и ранее — с Анискиным.

Живым интересом и немалыми спорами сопровождалось появление среди героев нашей прозы Федора Ивановича Анискина, милиционера, необычного уже своей внешностью (грузный, одышливый, с выкаченными глазами, с привычкой причудливо вертеть пальцами, с забавной присказкой «Так! Эдак!»), а более всего — своими делами, функцией, которую он несет в жизни. Впрочем, что до споров, то они разгорались по поводу едва ли не каждого

нового произведения Липатова. Споры шли и о содержании и о форме, в критике высказывались весьма несходные, подчас полярные точки зрения, и хотя, бывало, страсти переливались через край, хотя иные суждения были несправедливы по отношению к автору, — уверен, Виль Липатов в полной мере испытал счастливое чувство нужности своей творческой работы, вновь и вновь мог убедиться, как горячо отзывается его писательская, гражданская страстность.

Вернемся, однако, к Анискину, о котором известно, что более тридцати лет работает он участковым в сибирской деревне Кедровке. Впрочем, о сроке службы и субординационном положении героя автором сказано еще и так: «В деревне Анискин работал бог знает сколько времени, в каком находился звании, жители не помнили — участковый раз в три года надевал форму, да и то тогда, когда ездил в район». Это говорится в первом рассказе цикла. А еще находим в этом рассказе такую сценку: Анискин по заслугам совестит одного из сельских жителей, некоего учителя математики Владимира Викторовича, а тот, прежде чем устыдиться и сникнуть, хорохорится: «Не кажется ли вам, что вы переоцениваете свои права и обязанности?» Очень характерны два эти момента. Они свидетельствуют: хотя фигура Анискина, жизнь Кедровки воссоздавались в автономных, как бы стихийно продолжающих друг друга произведениях, у Липатова с самого начала существовало ясное представление о замысле и характере цикла. Анискин не просто милиционер, он крестьянин, плоть от плоти своих односельчан, он как бы растворен в них, неотделим от них. Он пользуется полнейшим доверием людей, потому что годы и годы («бог знает сколько времени...») бессчетно доказали его бескорыстность и человечность. А Владимир Викторович — что ж, он предвосхитил иных критиков, упрекавших автора «Деревенского детектива»: мол, Анискин у него превышает милицейские полномочия, мол, очень это недемократично... Липатов знал, о чем писал, что хотел сказать. Он рисовал специфические обстоятельства жизни дальней деревни и специфический же характер персонажа. Конечно, милицейская служба как таковая его интересовала, и детективная интрига занимательно строится в произведениях цикла (искусство сюжетосложения вообще легко давалось писателю). Однако куда в большей степени Липатова интересовало другое — та человеческая, гуманная служба, которую нес Анискин, не только раскрывая и предотвращая нарушения закона, но и постоянно выступая в качестве выразителя справедливых начал, в роли мудрого, обладающего душевным тактом арбитра, воспитателя. Иначе говоря, детективный характер событий в этом цикле — прежде всего форма, особые условия повествования, дающие автору возможность выходить к многообразным и острым социально-нравственным ситуациям. Нечто подобное, кстати, мы встречаем и в романе «И это все о нем»: расследование обстоятельств гибели Жени Столетова, ведущееся капитаном Прохоровым, хотя и не выявляет уголовной вины (кроме, разумеется, преступного очковтирательства Гасилова), но имеет серьезное моральное значение, устанавливая меру гражданской ответственности каждого из участников драмы. Правда, фигура Прохорова не слишком удалась, автор романа не сумел представить героя, носителя публицистической функции, достаточно естественным. Зато уж Анискин воистину фигура во плоти, его действия (пусть и весьма необычные), его психологические состояния, его сила и его просчеты, слабости — все это написано свободно и убедительно.

Когда думаешь об Анискине, о природе этого характера, на ум приходит сцена из другого произведения В. Липатова, повести «Еще до войны» (1971). Сцена, в сущности, мимоходная, и слова, которые в ней звучат, и которые я хочу сейчас привести, принадлежат человеку, отнюдь не годящемуся в учителя жизни. Однако в мире полнокровной и многозвучной прозы, как хорошо известно, правильные слова возникают отнюдь не только у правильных персонажей. Так вот, на завершающих страницах повести, когда стало очевидно,

что ограниченность, косность селян помешала соединиться молодым людям, искренне любившим друг друга, — некто Ленька Мурзин обращается к родне влюбленных: «Чего это вы произвели с Натолием и Раухой, когда промеж ними любовь? Меня лично вы интересовать не можете, а вот государство к вам интерес поимеет!» Удивительно естественно выплескивается здесь эта вера в справедливость «государствия», моральных основ, на которых оно стоит. Вот такая же вера — только осознанная партийно, подтвержденная опытом собственной жизни, — движет поступками Федора Анискина, определяет его глубоко демократическую линию поведения. Как нечто абсолютно логичное воспринимаем мы упоминания о том, что участковый лишь тогда отлучался из родных мест, когда сражался на фронте. И столь же логично возникают в цикле отголоски классовых битв в деревне, эхо кулацких выстрелов, метивших в коммуниста Анискина...

Да, наиболее значительные образы и наиболее значительные проблемы книг Виля Липатова, создававшихся в конце 60-х и начале 70-х годов, свидетельствуют, что его творчество достигло иных далей, иных пределов. Те первоначальные свойства таланта, которые анализировал А. Макаров, развились в процессе познания действительности. Раздвинулись социальные горизонты исследования, укрупнилась художественная мысль, свободнее, богаче стал выбор изобразительных красок. О средствах изображения Липатова речь, впрочем, еще впереди, а сейчас обратим внимание на одно место в конце макаровской статьи, там, где критик размышляет о перспективах писателя в раскрытии сложных человеческих характеров, взаимоотношений личности и коллектива. Макаров подчеркивает, сколь ценной может быть для литературы поддержка естественного и благородного стремления человека вырваться вперед, как важно твердое убеждение в закономерности такого стремления, когда оно подкреплено усилиями всех. Любопытно: в тогдашней липатовской прозе справедливо и убедительно осуждалась Виктория Перельгина («Стрежень»), чье стремление «вырваться вперед» было основано на эгоистическом расчете. Можно ли не оценить мудрой дальновидности макаровского напоминания об иных, позитивных мотивах выдвижения, тех, что идут не вразрез с коллективной, общественной потребностью, а, напротив, выражают ее? А. Макаров исходил из уверенности в непременном расширении проблемного социально-этического диапазона липатовской прозы, в приверженности писателя настойчивому, нестихающему поиску. Что ж, так оно и получилось. Уже вскоре Липатов приходит к открытию интересного характера человека, чей «путь наверх» совпадает с общественной пользой. Таков герой повести «Сказание о директоре Прончатове».

Олег Олегович Прончатов наделен чертами своего рода «разумного эгоизма». Рациональны его поступки, рационально, в сущности, само его представление о жизни, при котором и собственные свои качества работника и человека Прончатов стремится оценивать как бы со стороны, со всей возможной объективностью. А поскольку работник он отличный и человек неплохой, разве предосудительно ему, главному инженеру сплав-конторы, открыто претендовать на свободную директорскую должность? Так мыслит и так действует Прончатов. Он знает, что принесет пользу делу, между тем как маячащий на горизонте другой кандидат наверняка дело запретит...

В деловой ситуации повести, в линии поведения Прончатова, конечно, есть явная полемичность, вызов привычному. На это и рассчитывал писатель, сознательно шел на спор. Возможно, не каждый эпизод книги во всех отношениях выверен. Однако в принципе желание Прончатова стать директором глубоко нравственно: за таким желанием жажда максимальной отдачи своих сил, умения, знаний. И нравственная правота героя подтверждена тем, что его крепко поддерживают рабочие сплавконторы; сцен, свидетельствующих это, немало, они имеют важное, если не сказать решающее значение в общей концепции произведения.

Чем порождена открытая полемичность «Сказания...»? Безусловно, желанием писателя привлечь внимание к серьезным вопросам, которые стали в ту пору обозначаться в жизни. Показательно: прошли годы, споры о Прончатове приутихли, но вот ссылки на присущее Прончатову прямое, неукоснительное стремление быть максимально полезным производству, общему делу и сегодня нередки, они возникают то в выступлении хозяйственного работника, то в очерке, а то и в драматургическом произведении. Время не просто подтвердило, ко и укрепило потребность в таких качествах, как деловая компетентность, инициативность, ответственность. Виль Липатов сумел удивительно чутко уловить эту потребность. Так же как, разглядев тлетворность гасиловщины (снова вспомним «И это все о нем»), сумел в известном смысле предвосхитить общественную тенденцию острой и широкой борьбы против показухи, очковтирательства, прочих явлений, противоречащих принципам социалистического хозяйствования и социалистической морали.

Вновь и вновь выходим мы в размышлениях о творчестве Липатова к проблемам, суть которых укладывается в привычную формулу «человек и его дело». Может быть, она стала даже с некоторых пор чересчур привычной, примелькавшейся, ибо не столь уж редко прилагается к книгам утилитарным, упрощенным. Липатов принадлежал к числу художников, способных всякий раз наполнять эту формулу новым оригинальным содержанием, ощущать ее емкость: человек и его дело — это ведь и место человека в жизни, его связи с другими людьми, возможности духовной самореализации личности. Таким авторским ощущением, пониманием объединены и самые вроде бы разнохарактерные произведения Липатова, и в критике недаром отмечалась, например, внутренняя связь между «Деревенским детективом», «Сказанием о директоре Прончатове» и повестью «Лида Вараксина». Сошлюсь на мнение К. Щербакова, который, в частности, писал об Анискине как о «человеке на своем месте», делающем дело, «которое знает лучше всего», полно проявляющем свою сущность. Олег Прончатов и вовсе очевиден в этом смысле. Что же касается Лиды Вараксиной, то тут перед нами доказательство от противного, любопытнейший и выразительно представленный случай несоответствия между личными и профессиональными качествами, несоответствия столь резкого, что оно оборачивается душевной драмой. Финал повести, в котором героиня размашисто, красиво работает косой, давая выход своей горечи, как бы гоня от себя проснувшееся вдруг ощущение собственной неприкаянности и получая пусть временное, но облегчение, — этот финал, я думаю, принадлежит к самым лучшим, истинно многозначным страницам липатовской прозы. Мы сочувствуем Лиде. Сочувствуем и задумываемся над ее судьбой.

Приходилось слышать, что «Лида Вараксина» написана о том, как, дескать, вещи победили человека. Вероятно, определенное впечатление производит то обстоятельство, что в повести особо, даже торжественно, выделены три истории Лидиных приобретений. Но это лишь внешняя, хорошо видимая сторона дела, и в самой торжественности содержится изрядная доля авторского лукавства. Лида вовсе не приобретательница. Модная (сказать лучше — элегантная, Лида уважает это слово) одежда нужна ей просто в силу представлений о том, каким должен быть человек, несущий людям плоды культуры. Лида сумела усвоить в культпросвет-училище только сугубо формальные истины, а одновременно и умудрилась подавить в себе естественные начала. Добрый, порядочный человек, она обречена играть чужую, совсем не годящуюся ей роль. Обречена до тех пор, пока, может статься, все-таки найдет в себе силы сойти с неудачно избранной стези, заняться другим, близким ей делом.

Знакомясь с тщательно выписанным характером Лиды Вараксиной, живо представляя себе ее манеры, особенности речи, весело удивляясь ее конфузам и переживая их, вот еще о чем невольно думаешь. Возможно, прежде такая вот Лида и приносила бы какую-то пользу сельской аудитории, несмотря даже на свою прямолинейность, заученную обезличенность. Но

времена изменились. Нынче «просветительские» мероприятия Лиды способны только отпугнуть людей. Повесть, если иметь в виду самый широкий ее смысл, отражает процессы роста культуры на селе, немалые противоречия, сопровождающие их.

Лида Вараксина — воистину без вины виноватая. Этого никак не скажешь о героях повести «Серая мышь» (1970), в которой с болью и тревогой поведано о распространенном, увы, зле — пьянстве. Высокая нравственная идея — все та же идея человеческого предназначения, достоинства — проходит через повесть, тяжкие ее подробности, придает смысл всему. Не раз прибегает автор к приему контраста, чтобы провести решительную грань между полуживотным существованием той четверки персонажей, что объединена пагубной страстью, и — разумной, чистой жизнью рабочих людей, населяющих славный сибирский поселок Чила-Юл, прекрасной целесообразностью природы. Поселок, читаем мы, стоял «на таком веселом месте, что в погожий день все восемьдесят домов казались новенькими, словно сейчас были рублены; сама река Обь была такая пространственная и высокая, что делалось щемяще пусто под сердцем... рошица берез — неожиданная и посторонняя — выбегала к воде сноровисто, как телята на водопой. И от этого тоже было весело, словно над Заобьё пела медная труба...»

Пейзаж, который здесь приведен, типичен для липатовской прозы последнего десятилетия. Воспользуемся данным обстоятельством, чтобы повести речь о характерных изобразительных чертах этой прозы. Чем привлекает нас картина обского берега в поселке Чила-Юл? Чем она вообще примечательна? Пожалуй, прежде всего эмоциональной насыщенностью, мастерски переданным настроением. А еще щедростью красок, своеобразно сочетающейся с графической четкостью. Это, если можно так сказать, весьма «авторский» пейзаж, имеющий совершенно определенное назначение и смысл.

Роль автора, повествователя всегда была велика в произведениях Липатова, об «авторской властности» не зря говорится в статье А. Макарова. В тогдашних книгах такая властность больше проявлялась в сфере содержательной, манера же письма была в основном строгой, сугубо реалистичной. Позже стиль прозаика стал меняться, приобретать новые качества, вобрал в себя патетику и юмор, живописную плотность и иронию, выказал восприимчивость к сарказму и гротеску. Когда начали замечаться эти изменения, приобретения? Возможно, с яркого, причудливого рассказа «Мистер Твистер». И уж наверняка с анискинского цикла, где привычный тон спокойного исследования перемежается то возвышенной интонацией сказа, то озорством какой-нибудь характеристики, то этакой веселой фантасмагоричностью, которая должна демонстрировать всемогущество деревенского детектива: ну разве не забавен, не выразителен, к примеру, эпизод, когда парень, подозреваемый пусть и не в слишком серьезном, но нарушении закона и уличенный во лжи, весьма испугался... «городского слога», на который вдруг перешел возмущенный участковый, «замахал руками, словно открещиваясь» от Анискина!.. Элементы игры, метафорической живописной условности очевидны в повести о Прончатове, недаром и названной «Сказанием...». Вообще из произведений, появившихся в последнее десятилетие творчества Липатова, лишь «Лида Вараксина» написана в манере объективной, без авторского стиливого напора, без элементов романтической характеристики.

Освоение новых повествовательных красок, новых средств выразительности дало липатовской прозе очень много. Собственно говоря, стиль «позднего» Липатова стал своеобразным отличительным знаком, определителем острой проблематики, занимавшей писателя. В этом есть своя закономерность. Как есть она вообще в том, что изобразительные поиски Липатова по сути своей диктовались стремлением идти в самую гущу современности,

касаться насущного, злободневного. Да, стиль — это человек, писательский пример Виля Липатова хорошо подтверждает старую сентенцию.

Очень характерно одно его признание, сделанное в газетном интервью: «Писателям, работающим над темами сегодняшнего дня, зачастую приходится нелегко, на этом пути мы набиваем себе немало шишек, случается делать и ошибки... Удачно или неудачно, но я ищу, постоянно ищу, а ведь известно: не ошибается лишь тот, кто ничего не делает». Что ж, ошибки Липатова — воспользуемся словом, произнесенным самим писателем, — это во многом ошибки его стиля. Почти во всех книгах, о которых мы говорим, есть излишества живописности, есть краски, неестественная густота которых мешает выявлению общего смысла картины. Порой в ущерб психологическому полнокровию начинает эксплуатироваться один и тот же прием. Ведь как однообразно, неинтересно ерничество следователя Прохорова (о недостаточной убедительности этого образа мы уже говорили), да и вообще не перебор ли у Липатова напропалую ерничающих персонажей? И не слишком ли безупречными выглядят у него иные носители положительных качеств, вроде, скажем, главного героя романа «Житие Ванюшки Мурзина, или Любовь в Старо-Короткине» (1978)? Этот роман и напечатанная в том же году «Повесть без названия, сюжета и конца...» — произведения, к великому сожалению, ставшие последними прижизненными публикациями писателя, — содержат отличные страницы, но во многом являют собой как раз пример нецеленаправленного расходования изобразительных средств. Слишком уж расцвеченными оказываются картины будничной жизни, слишком подтянутыми к некоему абстрактному представлению о красивом...

Определенные просчеты того же плана есть и в романе «Игорь Саввович». Но подчеркиваю: именно лишь просчеты, ибо замысел авторский как раз и предполагает преимущественное внимание к красивой, благополучной, во всем удачливой жизни, какую ведет Игорь Саввович Гольцов, тридцатилетний заместитель главного инженера сплавного треста в крупном городе Ромске. Критики, упрекавшие Липатова, что, дескать, Игорь Саввович чересчур уж красив, его покровители чересчур всесильны, а друзья чересчур снисходительны, не посчитались, однако, с очевидным: это самое «чересчур» заложено в идее романа, в самой его поэтике. Писатель создал идеальные, можно сказать, дистиллированные условия жизни молодого человека, разумеется, объяснив их по мере возможности особыми житейскими причинами. Создал, чтобы затем резко вывести героя из этих условий, обратиться к отнюдь не всегда красивой прозе действительности. Раскручивается история с противозаконным строительством гаражей, куда в силу своей беспечности, инфантильности оказался втянут Гольцов. Раскручивается другая история — самого близкого человека, матери, которая сумела поставить на службу себе, своему эгоизму вполне искреннюю, даже горячую заботу о сыне. А в итоге совершается чудесное исцеление героя, исцеление от странной болезни, которой прежде и в помине не было и которая началась, когда неизвестно за какие заслуги его перевели в трест, когда выявились рычаги высоких родственных покровительств. Болезнь состояла в равнодушной пресыщенности жизнью...

Не случайно говорю: чудесное исцеление, странная болезнь. Так именно и изображается это в романе — изображается как заведомая условность, если угодно, как правило игры. Заметьте: автор кое-где по-особому, большими буквами сообщает о моментах высвобождения своего героя от болезненного состояния, — это моменты обращения к чему-то действенному, противоборства со злом. Автор откровенно назидателен. И вообще «Игорь Саввович», конечно же, самая «авторская» проза Липатова. Повествователь напоминает о своем присутствии, вмешательстве постоянно, самыми разными средствами. Вплоть до такого, например: добрый десяток раз повторяются в тексте слова о жизни «на этой круглой и теплой земле». Это отнюдь не небрежность — это голос автора, он обращается к читателю, ищет контакта, вновь и вновь

говорит излюбленное: земля наша хороша, и жизнь на ней тоже должна быть вполне и во всем хорошей...

Интересный художественный поиск воплотился в романе «Игорь Саввович», хотя далеко не все в нем оказалось равноценным. Возможно, роман воспринимался бы более цельно, если бы при всей прочности психологической основы условность была подчеркнута, обнажена еще определеннее. В конце концов болезнь Игоря Саввовича могла быть представлена столь же символически откровенно, как бальзаковская шагреновая кожа... Как бы то ни было, однако смысловые итоги книги достаточно определены. У автора широкий, диалектичный взгляд на затронутую проблему. Роман говорит о вине Игоря Саввовича, осуждает социальную пассивность, иждивенчество. И столь же решительно осуждается бесплодная, вредоносная практика элитарности, которой сознательно или бездумно, по инерции, придерживаются иные уважаемые граждане города Ромска, оказывая протекции, расставляя людей не по заслугам, а по принадлежности к некоему избранному кругу...

Нет, не о пустяках писал свои книги Виль Липатов. Точнее сказать, о пустяках он книг вообще не писал. Сибиряк по рождению, Липатов находил в родном краю, на берегах Оби и Кети, в селах, рабочих поселках, городах такие ситуации, проблемы, характеры, сквозь которые неизменно просвечивало Время. Он жил беспокойной жизнью, не представлял себя без газетной работы, и его очерки в «Правде» были столь же привычны читателям, как его проза. В качестве секретаря правления Союза писателей РСФСР Липатов много занимался литературной молодежью, был наставником целого ряда хорошо работающих сегодня прозаиков. Виль Липатов удостоен премии Ленинского комсомола за создание сценария к телефильму по роману «И это все о нём». Но видится в этой награде и глубокий символический смысл — она как бы венчает глубокие связи писателя с комсомолом, молодежью...

Недолгим был творческий путь Виля Владимировича Липатова. В 1979 году, когда он ушел из жизни, ему исполнилось пятьдесят два. Много сделано художником, но сколько бы ещё он сделал на этой круглой и тёплой земле...

Ныне к читателям идут четыре тома Собрания сочинений талантливого писателя. Они еще раз подтвердят: современную советскую литературу невозможно представить без книг Виля Липатова. Книг, в которых бьется живой пульс жизни и которым суждена долгая жизнь.

Михаил Синельников